

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Петрушихина Светлана Владимировна

**ПРОБЛЕМА ТЕЛЕСНОСТИ В ЗАРУБЕЖНОЙ ТЕОРИИ АРХИТЕКТУРЫ ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА**

Специальность 5.10.3 –

Виды искусства (изобразительное и
декоративно-прикладное искусство и архитектура)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата искусствоведения

Москва – 2024

Работа выполнена на кафедре всеобщей истории искусств исторического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

Научный руководитель

Ванеян Степан Сергеевич

доктор искусствоведения, профессор

Официальные оппоненты

Гнедовская Татьяна Юрьевна

доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник сектора современного искусства Запада Государственного института искусствознания

Шукуров Шариф Мухамедович

доктор искусствоведения, главный научный сотрудник Отдела сравнительного культуроведения ФГБУН «Институт Востоковедения РАН»

Басс Вадим Григорьевич

кандидат искусствоведения, доцент Международной школы искусств и культурного наследия автономной некоммерческой образовательной организации высшего образования «Европейский университет в Санкт-Петербурге»

Защита состоится 9 декабря 2024 года в 18 час. 30 мин. на заседании диссертационного совета МГУ.056.3 Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова по адресу: г. Москва, Ломоносовский проспект, 27, корпус 4 «Шуваловский», ауд. А-419.

E-mail: art@hist.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на портале Диссовет 2.0 (<https://dissovet.msu.ru/dissertation/3208>)

Автореферат разослан «8» ноября 2024 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат искусствоведения

Е.А. Ефимова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящее исследование посвящено проблеме телесности в постмодернистской теории архитектуры.

Само понятие «телесность» является внешним по отношению к дискурсу архитектурной теории. Этот термин был привнесен в нее из философии и психологии. В работах по философии принято разграничивать понятия «тело» и «телесность». Необходимость дифференциации обусловлена тем, что они обозначают принципиально разные вещи. Под телом, как правило, подразумевается физический объект (как живой, так и не живой).

Телесность, в отличие от тела, нематериальна, невидима и неосязаема. Это не объект и не феномен, а понятие, которое формируется и существует только в дискурсивной среде. В зависимости от дискурса оно будет иметь разные коннотации. Если говорить о психологической коннотации телесности, то ее смысл подразумевает психофизические и эмоциональные состояния, такие как усталость, напряжение, болезнь или, напротив, сила и воодушевление¹. В философии в понятие «телесность» могут быть вложены разные смыслы. К примеру, в феноменологии восприятия Мориса Мерло-Понти она именуется «плотью» – посредником между телом и окружающим миром, свидетельствующим о взаимном воздействии их друг на друга, а в шизоанализе Жюлья Делёза и Феликса Гваттари телесность соотносится с концепцией «тело без органов» – абстрактным полем действия невидимых сил и потоков. Во всех перечисленных случаях телесность выступает как конструкт, позволяющий осмыслить отношения тела субъекта – или «живого тела» (Leib) в терминологии Гуссерля – с разными аспектами окружающей его действительности. С этих позиций понятие «телесность» может использоваться в контексте проблем восприятия действительности и конструирования картины мира.

В зарубежных работах по теории архитектуры разделение на «тело» (body) и «телесность» (corporeality, embodiment) также присутствует. Необходимость разграничения продиктована тем, что эти понятия касаются совершенно разных аспектов архитектуры: проблема тела фигурирует, как правило, в контексте «антропоморфизма» – формальной аналогии между телом и зданием. Таким образом, тело в архитектуре трактуется двояко: это и тело человека, и «корпус» здания.

Несмотря на существующее разграничение между «телом» и «телесностью», у понятия «телесность», как правило, отсутствует точная дефиниция. Это связано с тем, что сами теоретики и архитекторы либо апеллируют к философским концептам телесности

¹ Тхостов А.Ш. Психология телесности. М.: Смысл, 2002. С. 6.

(как, например «плоть» или «тело без органов»), либо используют отдельные ее атрибуты (иммунитет или фрагмент генома) в качестве объяснительной модели определенного явления, в результате чего телесность остается как бы «в тени» другой проблемы. Это позволяет обосновать **проблему настоящего исследования** – отсутствие точного определения телесности внутри дискурса теории архитектуры второй половины XX века. Чаще всего теоретики и архитекторы используют термины, заимствованные из других дисциплин – психологии, философии и медицины – для описания концепции здания или метода проектирования в целом, однако у этого подхода есть существенный недостаток – неточности и искажения значения исходного понятия при переносе из одной контекста одной дисциплины в другую. В связи с этим в теории архитектуры исследуемого периода не возникает общего понимания (консенсуса) относительного того, что понимать под телесностью. Необходимость прояснения «плюрализма» концепций телесности, а также причин и обстоятельств обращения к каждой из них обуславливает **актуальность темы настоящего исследования.**

Степень научной разработанности темы представляется недостаточной. Несмотря на то, что проблемы тела и телесности фигурируют в архитектурной теории Запада фактически ещё со времён античности, тема телесности разработана гораздо слабее, чем антропоморфизм и тело как источник пропорций. В литературе, как правило, рассматриваются отдельные концепции телесности; часто эти сюжеты анализируются в тех же работах, что и проблема тела². Отдельных же монографий, обобщающих представления о телесности во второй половине XX столетия, на настоящий момент нет. Однако, это не означает, что попытки проследить эволюцию представлений о ней и систематизировать относящиеся к ней концепции не производились вовсе. Самые ранние обзорные труды по данной теме были опубликованы в 1990-е – начале 2000 годов.

Одной из наиболее ранних обобщающих статей, анализирующих процесс трансформации представлений о телесности в теории архитектуры Запада представлен в статье Энтони Видлера «Здание в боли» (1990). В данной работе теоретик говорит о том, как менялись представления о телесности в архитектуре со времен Витрувия до конца XX столетия. Автор выявляет в этом процессе следующую динамику: представления о телесности в архитектуре эволюционировали от антропоморфизма в сторону способности архитектуры вызывать у человека определенные эмоциональные состояния³.

² См. Davidson C. (ed) Anybody., Dodds G, Tavernor, Body and Building, Kovar Z. Architecture in abjection. Bodies, Spaces and their Relations. 2018, Architecture and the body, science and culture / Sexton K.(ed.) New York: Routledge, 2018.

³ Vidler A. The Building in Pain // AA Files.vol.19. 1990. – pp. 3-10.

Во второй половине 1990-х годов выходит целый ряд трудов, в которых представлена широкая панорама концепций телесности. Это могут быть либо сборники статей отдельных авторов, либо сборники трудов конференций и симпозиумов, прошедших в передовых институциях.

Одним из наиболее масштабных событий, в фокусе внимания которого оказалась проблема тела и телесности в архитектуре XX столетия, стала междисциплинарная конференция «Anybody», прошедшая в 1996 году в Аргентинском национальном музее изящных искусств в Буэнос-Айресе. В конференции приняли участие передовые архитекторы и философы того времени – Э. Диллер, Б. Коломина, П. Айзенман, А. Исодзаки, И. де Сола Моралес, Г. Линн, Э. Гросс и Ф. Джеймисон. Доклады и панельные дискуссии были опубликованы в 1997 году одноименном сборнике под редакцией С. Дэвидсон⁴.

Проблеме телесности в архитектуре XX века посвящен вышедший в том же году сборник статей голландского теоретика Арье Графланда под названием «Архитектурные тела» (1996). Автора интересует, как тело и телесность структурирует архитектурный объект и делает его социально значимым. Различные аспекты телесности и их функции анализируются им на материале творчества четырех архитекторов – Ле Корбюзье, Р. Колхаса, П. Айзенмана и Д. Либескинда. Прделанный А. Графландом анализ выявляет эволюцию представлений о телесности в архитектурном дискурсе XX века: формальная аналогия между телом и зданием постепенно вытесняется дискретными атрибутами телесности, а «витрувианский» антропоморфизм подменяется психоаналитическими и постструктуралистскими коннотациями телесности⁵.

Проблема телесности в архитектуре не утрачивает актуальности и в новом тысячелетии. Среди вышедших в начале 2000-х годов изданий, посвященных проблеме телесности в теории архитектуры, отдельного внимания заслуживает сборник статей «Тело и здание», вышедший по итогам одноименного симпозиума⁶.

Тексты сборника сгруппированы в три раздела. Статьи из первого раздела фокусируются на телесности и ревизионистском прочтении архитектуры античности. Так, например, статья «Архитектоника телесности» Далибор Веселы рассматривает представления о теле в доплатоновской философии и касается проблемы упорядочивания архитектуры при помощи системы пропорций. Второй раздел представляет группа текстов, рассматривающих телесность в искусстве Ренессанса и Нового времени. Сюда вошли

⁴ Anybody/ Davidson C.(ed.) Cambridge, Mass: The MIT Press,1997. – 288 p.

⁵ Graafland A. Architectural bodies. Rotterdam: 010 publishers,1996. – 131 p.

⁶ Body and Building: Essays on the Changing Relation of Body and Architecture /Dodds G., Tavernor R. (eds.) Cambridge, Mass.: The MIT Press,2002. – 439 p.

статьи и эссе А. Перес-Гомеса, Д. Тавернора, Г.Ф. Моллгрейва и К. Харриса. Третья группа статей посвящена понятию телесности в архитектуре XX века и современности. Авторами статей выступили Д. Доддс, М.Фраскари, У. Брэм, П. Эммонс и К. Фремpton.

В 2010-е годы производятся первые попытки систематизировать массив текстов о теле и телесности в архитектурной теории. Эти попытки были произведены в диссертационных исследованиях Скотта Дрейка и Марии да Пиедаде Феррейра.

И хотя исследование С. Дрейка носит название «Хорошо сложенное тело: антропоморфизм в архитектуре»⁷, оно охватывает гораздо больший спектр явлений, поскольку под антропоморфизмом автор понимает любое сопоставление здания или города с телом. Иными словами, антропоморфизм для С. Дрейка является способом мышления, порождающим и метафоры, отсылающие к телу и частям, так и использование концепций телесности в теоретических работах. Австралийский исследователь ставил перед собой задачу выстроить максимально полную картину исследуемого явления, и потому предлагает своему читателю обзор различных форм выражения антропоморфистских концепций в архитектуре от Витрувия до конца XX века. Не менее обстоятельный обзор присутствует в первом томе диссертации М. Да Пиедаде Феррейры: он занимает десять глав, чье содержание построено на сопоставлении противоположных концепций тела (Естественное / Дисциплинированное, Фрагментированное / Цельное, Прекрасное / Возвышенное, Дуализм тела и разума / Воплощенное сознание) Говоря о телесности в теории архитектуры второй половины XX века, оба автора касаются феноменологического направления и концепции «тела без органов». М. Да Пиедаде Феррейра⁸ упоминает делезианский концепт в качестве свидетельства расширения представлений о теле, произошедших в результате развития науки, техники и медицины. Исследовательница упоминает данный концепт в контексте проблемы дематериализации тела, которая становится актуальной в свете изобретения компьютеров, чьи программы и доступ в Интернет отрывают доступ в измерение виртуальной реальности. С. Дрейк пишет о «теле без органов» в контексте морфогенеза Грега Линна, а также обращается к нему в разделе, где идет речь о рецепции категории возвышенного в среде архитекторов деконструктивистов. И хотя эти труды вносят большой вклад в изучение проблемы телесности в архитектурной теории второй половины XX века, в них, тем не менее, имеются существенные пробелы. Так, например, из поля зрения Дрейка и да Пиедаде Феррейра выпадают феминистский взгляд на телесность в архитектуре. С. Дрейк только упоминает

⁷ Drake S. A Well-Composed Body: Anthropomorphism in Architecture. PhD Thesis. University of Canberra, 2003. – 262 p.

⁸ Da Piedade Ferreira M. Embodied Emotions: Observations and Experiments in Architecture and Corporeality. PhD thesis, University of Lisbon, 2015. – 590 p.

основные труды, в которых фигурирует данная проблема, однако не останавливается на них подробно.

Данный пробел восполняет монография З. Ковар «Архитектура в отвращении. Тела, пространства и их отношения»⁹. В отличие от предыдущих работ, австралийская исследовательница уделяет больше внимания именно второй половине XX века и современности. Кроме того, она не ограничивается одной только архитектурной теорией: в качестве примеров она приводит выполненные архитекторами инсталляции, а также обращается к искусству перформанса.

Основной акцент в работе З. Ковар сделан на опосредованных телесностью отношениях человека, пространства и архитектуры. З. Ковар полагает, что они развивались сообразно развитию представлений о теле и телесности в философии. Пройдя вместе с ней путь от картезианского дуализма до оперирования постструктуралистскими концепциями, архитектурное мышление, тем не менее, так и не смогло избавиться от дуалистического понимания этих отношений. Ковар отмечает, что дуализм сохраняется даже несмотря на попытки от него избавиться: проблема заключается в том, что архитектурные теории второй половины XX века дуалистичны, так как фокусируются на отделении либо тела, либо пространства, нежели на избавлении от самого дуализма отношений между ними и формировании цельной модели их взаимодействия. Чтобы преодолеть присущий данным отношениям дуализм, З. Ковар предлагает обратиться ко введенной Ю. Кристевой концепции «отвращения» (*abjection*). Отвращение представляет интерес по той причине, что оно нарушает цельность границ субъекта, относительно которого выстраивается дуалистические отношения с архитектурой и пространством. З. Ковар полагает, что отвратительное преодолевает дуализм в момент отталкивания: этот момент представляет собой переходное состояние – некий «момент неразличимости» между субъектом и объектом (в нашем случае – между телом и архитектурным пространством). Исследовательницу интересует не столько репрезентация того, что вызывает отвращение, сколько функционирование данного процесса. Чтобы этого добиться она акцентирует свое внимание на философских и теоретических текстах, избегая при этом прямого переноса философской терминологии на описание самих сооружений.

Одним из самых последних сборников, комплексно освещающих проблему телесности, является «Архитектура и тело, наука и культура»¹⁰. Составитель сборника К. Секстон отмечает, что представления о телесности в архитектуре постоянно

⁹ Kovar Z. Architecture in Abjection. Bodies, Spaces and their Relations. London; New York: I.B. Taurus, 2018. – 262 p.

¹⁰ Architecture and the body, science and culture / Sexton K.(ed.) New York: Routledge, 2018 – 280 p.

эволюционируют, и потому воплощённые в архитектуре образы тела и телесные схемы имеют относительный, а не абсолютный характер. Секстон сборника также проводит идею, что на представления о телесности в архитектурном дискурсе влияет в равной степени влияют изобразительное искусство, наука и медицина. Материалы сборника упорядочены по хронологии. Такой ход более наглядно демонстрирует интенцию составителя: продемонстрировать различные аспекты проявления телесности в архитектуре от античности до 60-х годов XX века и их влияние на архитектурную практику, теорию и социальное производство пространства.

В описанных выше обобщающих трудах проблеме телесности во второй половине XX века уделяется значительно меньше внимания, чем таковой в античности, Ренессансе, Новом времени и модернизме. Темы, относящиеся ко второй половине XX века, как правило, исследованы точно: в основном это отдельные сюжеты (например, объекты, персоналии или концепции), которые далеко не всегда вписаны в контекст эпохи.

Из всех направлений в теории архитектуры XX века телесность лучше всего исследована в феноменологии архитектуры. Наиболее обстоятельно она рассмотрена в монографии М. Р. Ширази. Данная тема рассмотрена автором в разделах, посвященных трансцендентальной феноменологии Э. Гуссерля и феноменологии восприятия М. Мерло-Понти. Что касается теории архитектуры, то и здесь телесность проанализирована очень тщательно. Так, М.Р. Ширази выявляет, что телесность в феноменологии архитектуры отражена в концепции «тактильности» К. Фремптона, а в понятийном аппарате С. Холла она получает название «переплетения» и «параллакса»¹¹.

В отечественной литературе широкий круг проблем феноменологии рассматривается М.Р. Невлютовым. Он является автором ряда статей, посвящённых подходам С. Холла¹², Д. Рикверта¹³ и А. Перес-Гомеса¹⁴. В статье «Феноменологические концепции современной теории архитектуры»¹⁵ М.Р. Невлютов даёт краткую характеристику этому направлению и перечисляет его основных представителей. В

¹¹ Reza Shirazi M. *Towards an Articulated Phenomenological Interpretation of Architecture: Phenomenal Phenomenology, Phenomenal Phenomenology* – London: Routledge 2014 – 216 p.

¹² Невлютов М. Р. Феноменологические основания архитектуры Стивена Холла // *Academia. Архитектура и строительство*. 2015. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomenologicheskie-osnovaniya-arhitektury-stivena-holla> (дата обращения: 14.04.2020).

¹³ Невлютов М.Р. Идея города Д. Рикверта // *Искусствознание: наука, опыт, просвещение. Сборник статей по материалам международной научной конференции. 9–11 ноября 2017 года / Лукина Г.У. (ред.-сост.) – М.: Государственный институт искусствознания, 2018 – С.251-260.*

¹⁴ Невлютов М.Р. Любовь и архитектура. Феноменология Альберто Перес-Гомеса // *Архитектура и строительство России*. 2018. №2 – С.60-63.

¹⁵ Невлютов М.Р. Феноменологические концепции современной теории архитектуры // *Архитектура и современные информационные технологии*. 2015. № 3(32) URL: <http://www.marhi.ru/AMIT/2015/3kvart15/nevlutov/abstract.php> (дата обращения: 03.04.2019).

диссертационном исследовании¹⁶ М.Р. Невлютова телесности посвящен один из параграфов второй главы. Исследователь трактует его как «особый феноменологический характер отношений человека и окружающего его мира». Это не столько комплекс ощущений, сколько промежуточная зона между телом и зданием, благодаря которой становится возможным непосредственное восприятие архитектурной среды. Смысл данного понятия рассматривается исследователем через обращение к идеям философов М. Мерло-Понти, Д. Тригга, Д. Гибсона, Т. Инголда и К. Харриса. Единственный пример размышлений о телесности в феноменологии архитектуры, рассмотренный в данном разделе – это теория Ю. Палласмаа. Однако, это не единственное место, где фигурирует данная тема: она встречается в главе, посвященной «практической феноменологии» архитектора С. Холла. Соображения других теоретиков данного направления о телесности исследователем не рассматриваются.

Одним из немногих отечественных трудов, затрагивающих телесность в постмодернистской архитектуре, является монография «Природа и образы телесности» Е.Н. Князевой и И.А. и Д.А. Бесковых. Телесности в архитектуре постмодернизма посвящён третий параграф третьей главы. Набор текстов зарубежных архитекторов, рассмотренных здесь, невелик: автор проводит беглый и не очень подробный экскурс по «Сложностям и противоречиям в архитектуре» Роберта Вентури и ещё более сжато касается принципов постмодернистской архитектуры у Роберта Стерна. Указанные работы автор приводит для общей характеристики постмодернизма как парадигмы архитектуры; рассуждения автора раздела о телесности в архитектуре этого периода рассматриваются безотносительно к теоретическим текстам современников Р. Вентури о телесности. Несмотря на очевидный интерес к телесно-ориентированному подходу автор ничего не пишет о современной этому направлению феноменологии архитектуры. Ничего не сказано и об оперировании архитекторами и теоретиками архитектуры терминологическим аппаратом неклассической философии и обращении к её конструктам (например, «телу без органов»).

В настоящий момент наименее исследованной темой является телесность в феминистской архитектурной теории 1980-1990х годов. Попытка проанализировать историю исследования проблемы телесности в рамках данного направления была произведена только в статье Джерарда Рэя А. Лико «Архитектура и сексуальность: политики пространства, наделенного гендером»¹⁷.

¹⁶ Невлютов М. Феноменологические концепции в теории архитектуры: дис. ... канд. архитектуры. Нижний Новгород, 2021. – 170 с.

¹⁷ Lico G.R.A. Architecture and Sexuality: The Politics of Gendered Space // Humanities Diliman. Vol.2. 2001.– pp. 30–44.

Проведённый обзор позволил выявить «лакуны» и наиболее перспективные направления дальнейшего исследования. В феноменологии архитектуры таковым стало уточнение истоков представлений о телесности и их связи с теорией архитектуры рубежа XIX-XX веков, для постструктурализма – выявление причин обращения архитекторов к неклассической философии и психоанализу и исследование возможных расхождений между исходными философскими понятиями и их рецепцией теоретиками архитектуры. То же самое применимо и к гендерной проблематике в теории архитектуры конца 1980-х – 1990-х годов. Это касается таких вопросов, как проблема «феминной» природы архитектурного пространства, связь постструктуралистской практики «женского письма» и феминистской теории архитектуры, а также попытки теоретического обоснования «женского» подхода к проектированию через акцент на телесности.

Диссертация призвана стать первым монографическим исследованием, посвященным проблеме телесности в теории зарубежной архитектуры 1960-1990-х годов. В диссертации впервые предпринята попытка комплексно изучить и систематизировать статьи, монографии и эссе, посвящённые гендерной специфике телесности в архитектурном дискурсе последней трети XX столетия. Основное внимание уделяется проблеме женской телесности. Данная тема рассматривается в нескольких аспектах – как реакция теоретиков на гендерный дисбаланс в архитектурной дисциплине, как стремление ряда авторов показать отличный от мужского «женский взгляд» на архитектуру и её пространство, а также в контексте попыток отдельных архитекторов найти обоснование «женскому» подходу к проектированию.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что она исследует возможности применения различных концепций телесности из неклассической философии и неопсихоанализа в архитектурной теории. Она уточняет определение понятия «телесность» применительно к архитектуре и указывает истоки тех концепций, которыми оперируют авторы теоретических работ во второй половине XX века. Диссертация может стать отправной точкой для дальнейших исследований архитектуры Новейшего времени. Материалы настоящего исследования могут быть основой лекционных и семинарских занятий по истории архитектуры XX века, а также использоваться в рамках специализированных курсов по теории современной архитектуры.

Материалы диссертации могут быть полезны не только исследователям гуманитарной направленности, но и архитекторам. Они могут быть основой для подготовки концепций проектов и составления пояснительных записок к ним. Этим обусловлена **практическая значимость** работы.

Хронологические границы настоящей работы охватывают временной промежуток от второй половины 50-х до конца 90-х годов XX столетия, однако в ряде случаев мы выходим за пределы установленных рамок и обращаемся к более современному материалу, который относится уже к началу XXI века.

Территориальные границы исследования задаёт «североатлантический» дискурс: это теории архитектуры стран Западной Европы, США, Канады, Австралии. За пределами установленных географических рамок мы рассмотрим ряд трудов исследователей из стран Латинской Америки – Мексики и Аргентины – чьи работы также интегрированы в контекст этого дискурса. Обращение к указанному ареалу неслучайно, поскольку именно в «североатлантическом дискурсе» сформировались те концепции телесности, которыми оперируют теоретики и архитекторы по всему миру.

Объектом исследования диссертации является теория архитектуры Европы и США 1960-х – 1990-х годов.

Предметом исследования выступает проблема телесности в теории архитектуры второй половины XX века.

Цель данной работы – исследовать специфику трактовки понятия «телесность» в архитектурной теории второй половины XX века.

Обозначенная цель требует решения следующих **задач**:

1. Дать определение «телесности» в теории архитектуры;
2. Определить круг тем, применительно к которым используется данный термин;
3. Выявить, какие концепции телесности фигурируют в зарубежной теории архитектуры второй половины XX века;
4. Установить источники концепций телесности, используемых теоретиками архитектуры указанного периода;
5. Определить значение концепций телесности и их функцию в теории архитектуры обозначенного периода.

Методологическая основа исследования имеет комплексный характер и определяется целями и задачами работы. Поскольку телесности в теории архитектуры редко даётся точное определение, для выявления его специфики в дискурсе теории архитектуры второй половины XX века был использован прежде всего дискурс-анализ. В частности, мы опирались на теорию дискурса Мишеля Фуко. Он рассматривает дискурс как практику, которая представляет собой «совокупность анонимных исторических, всегда детерминированных во времени и пространстве правил, которые в данную эпоху и для данного социального, экономического, географического или лингвистического сектора,

определили условия осуществления функции высказывания»¹⁸. В нашем случае дискурс-анализ будет использован для анализа письменных текстов и устных высказываний о телесности в теории зарубежной архитектуры второй половины XX века.

Так как теория архитектуры исследуемого периода оперирует понятийным аппаратом неклассической философии и пост-канонического психоанализа, мы характеризуем используемые в них концепции телесности. Так, для определения телесности в феноменологии мы обратились к работам Э. Гуссерля и М. Мерло-Понти. Проблема фрагментированного тела была рассмотрена через обращение к концепциям «стадии зеркала» Ж. Лакана, «отвратительного» Ю. Кристевой и «жуткого» З. Фрейда, а значение термина «тело без органов» в архитектуре было сопоставлено с таковым у Ж. Делёза и Ф. Гваттари. Анализ телесности в феминистской теории архитектуры был произведён с опорой на ключевые труды гендерной теории (С. Де Бовуар, Д. Батлер, И. М.Янг, Й. Оксала) и наиболее влиятельных постструктуралистских исследовательниц – Л. Иригарэй и Э. Сиксу.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Применительно к архитектуре телесность представляет собой теоретический конструкт, обозначающий проецирование на здания различных свойств, качеств и состояний тела. Телесность не принадлежит самим сооружениям: она возникает в процессе восприятия архитектурных объектов и выражается посредством метафор и концепций, которые фигурируют в только в текстах. Эти метафоры и концепции используются для описания различных аспектов отношения архитектуры с её пользователями, что дополнительно подчеркивает её «социальную» природу – аспект, который отличает архитектуру от других видов искусства.
2. Феноменология архитектуры использует понятие телесность в значении «ориентированность архитектуры на пользователя, его культуру, историю и особенности местности, в которой он обитает». Такая коннотация связана с тем, что телесность рассматривается как посредник между зданием и телом пользователя.
3. Используемое архитекторами-деконструктивистами понятие «фрагментированное тело» связано с термином «жуткое» З. Фрейда. Распадающееся на части тело здания не вызывает у реципиента ощущение уюта, безопасности и комфорта. Этот аспект трактуется архитекторами и теоретиками как признак автономизации архитектуры, а именно – символического «освобождения» её от миссии служить обществу. Однако тот факт, что этот термин используется в контексте отношений человека и

¹⁸ Фуко М. Археология знания. С.227-228.

здания, дополнительно подчёркивает невозможность полной автономии архитектуры от социальной сферы.

4. Термины «тело без органов» и «иммунитет» возникают в дискурсе архитектурной теории последней четверти XX века на фоне тенденции «дематериализации» и виртуализации в культуре постмодерна, а также под влиянием научных и медицинских открытий. Данные понятия используются для того, чтобы объяснить воздействие на архитектуру недоступных взору процессов – движения финансовых и информационных потоков, а также формирования отношений между индивидами и социальными группами. «Тело без органов» и «иммунитет» используются также как метафоры гибкости, податливости и высокой адаптивности архитектуры в условиях нестабильной, постоянно изменяющейся реальности.
5. В феминистской риторике женская телесность предстает как инструмент критики «фаллоцентричной» архитектуры. Следуя логике «женского письма», феминистки, с одной стороны, выдвигают тезис о несовместимости женского начала и архитектуры, а с другой – постулируют повсеместное вытеснение женской телесности из дискурса архитектурной теории. Вытеснение проявляется либо в отчуждении атрибутов женской телесности от женского тела, либо в выхолащивании их в абстракцию.
6. Интерес к телесности среди женщин-архитекторов и теоретиков возникает на фоне актуализации «женского вопроса» в профессии и может быть трактован как один из способов выражения аутентичного «женского» подхода к проектированию. Он предполагает акцент не на формальной выразительности и противопоставлении здания окружению, сколько на более тонких нюансах отношения тела, пространства и окружающего контекста.

Апробация работы. Результаты исследования обсуждались в докладах на следующих конференциях:

1. Истоки понимания телесности в феноменологии архитектуры // конференция молодых ученых "Современные исследовательские подходы в науках об искусстве и культуре", РГГУ, 27-28 апреля 2020 г.
2. Перцептивный опыт и телесность в феноменологии архитектуры // Искусствознание: наука, опыт, просвещение, Москва, Государственный институт искусствознания, 27 августа 2020 г.

3. Осмысление понятия телесности современными представителями феноменологии архитектуры» // Международная научная конференция «Актуальные проблемы теории и истории искусства», Санкт-Петербург, СПбГУ, 26-31 октября 2020 г.
4. «Понятие телесность в рецепции представителей феноменологии архитектуры» // II конференция молодых ученых "Современные исследовательские подходы в науках об искусстве и культуре", РГГУ, 30-31 октября 2020 г.
5. «Проблема женской телесности в теории архитектуры второй половины XX века»// Форум молодых исследователей искусства «Научная Весна – 2021». Москва, Государственный Институт Искусствознания. 27-30 апреля 2021 г.
6. «Тема телесности в архитектурной теории Бернара Чуми»// IV конференция молодых ученых "Современные исследовательские подходы в науках об искусстве и культуре", РГГУ, 22-23 октября 2021 г.
7. «Проблема "фрагментированного тела" в архитектурной теории конца XX века» // Всероссийская конференция «XLVI Лазаревские чтения», МГУ им. М.В. Ломоносова, 3-4 февраля 2022 г.
8. «Концепция «тела без органов» в зарубежной теории архитектуры конца XX века» // Международная научная конференция «Актуальные проблемы теории и истории искусства-Х», МГУ им. М.В. Ломоносова, 4-6 октября 2022 г.

СТРУКТУРА И ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Работа состоит из введения, четырех глав, библиографии и приложения.

Во **Введении** представлены цели, задачи, научный аппарат исследования, степень разработанности темы и историография. Там же изложены положения, выносимые на защиту, и апробация результатов исследования.

В **Главе 1 («Проблема тела в архитектурной теории Запада: от антропоморфизма до метонимического подражания телу»)** речь идет о феномене антропоморфизма и его осмыслении от Витрувия до конца XX века. В ней рассмотрены его варианты (тело как источник идеальных пропорций, тело-микрокосм, тело-механизм) и процессы, которые привели к постепенному отказу от него в пользу более сложной модели отношений здания и тела, получившей название «метонимическое подражание телу».

Главный для антропоморфизма принцип формальной аналогии между телом и зданием соответствует парадигме классического архитектурного мышления, в котором онтологический смысл телесности отражён в системе пропорций. Наиболее ранним трактатом, зафиксировавшим антропометрическую систему пропорций в ордерах, является

«Десять книг о зодчестве» Марка Витрувия Поллиона. В «Десяти книгах о зодчестве» Витрувий говорил о том, что строение человеческого тела и математическая гармония его пропорций могут служить системой мер в архитектуре. Он полагал, что если человеческое тело является микрокосмом вселенской гармонии, то архитекторы должны проектировать здания по его образу и подобию. В частности, в четвертой книге он фактически называет тело источником соразмерности в ордерных системах: пропорции мужского тела выступают образцом для дорического ордера, а женское – для ионического и коринфского.

Влияние Витрувия прослеживается и в теоретических трактатах эпохи Возрождения. Ренессансные архитекторы – такие, как Л.Б. Альберти, Филарете, Ф. ди Джорджо Мартини – также полагали, что тело является носителем идеальных пропорций и олицетворением природной гармонии и совершенства.

По мере усложнения теории архитектуры буквальный антропоморфизм отходит на второй план, уступая концепции музыкальной гармонии. Цёлльнер считает, что этому могло сопутствовать и то обстоятельство, что сами архитекторы в конце XV века начали осознавать ограниченность антропоморфизма и постепенно от него отказываться. Вместо антропоморфизма они стремились применить к архитектуре консонансные музыкальные интервалы – четверть, квинту и октаву – для описания соразмерности частей и целого.

Другой концепцией тела является «тело-механизм». Её формирование было простимулировано фундаментальными мировоззренческими переменами Нового времени, а именно – развитием эмпирической науки, анатомии, медицины и картезианской философии. В результате этих перемен изменилось отношение к телу: оно перестало восприниматься как олицетворение божественной гармонии или «микрокосм», и вместо этого обрело статус зависимой от разума протяженной материи, «биологического механизма», объекта познания и контроля. В это же время формируется концепт «нормативного тела» – конструкта, транслируемого властными структурами и господствующей эстетической идеологией для контроля и коррекции поведения отдельных индивидов и всего общества. Конструкт «нормативного тела» рассматривает тела индивидов механистически – как инструмент по производству благ. Чтобы этот живой «инструмент» работал хорошо, его необходимо не просто контролировать, но и регулярно тренировать для достижения большей эффективности его труда. Механистическое понимание тела как дисциплинированной машины, укладывающейся в рамки строго детерминированной нормы, нивелирует представление о разнообразии тел в пользу диалекты «норма/патология». Соответственно, в парадигме Нового Времени, а затем и модернизма, телесность конструируется через определение границ дозволенного.

Коренной мировоззренческий перелом не просто породил новую концепцию тела, но и изменил отношение к антропоморфизму. Самой резкой критике он подвергся в XVII веке французскими теоретиками архитектуры. Наиболее отчетливо этот разрыв был обозначен архитектором классицистом Клодом Перро во французском переводе Витрувия, который был опубликован в 1674 и 1684 годы. Перро категорически отвергает традиционную теорию пропорций, которую можно применить к архитектуре подобно закону природы. В своем комментарии о происхождении дорической колонны, основой пропорции которой Витрувий считает мужскую ступню, Перро пишет, что архитектурные пропорции не имеют в себе ничего природного. В отличие от объектов природы (к которым тоже можно отнести и тело человека), за ними не закреплены никакие специальные законы. Скорее, архитекторы сами устанавливают пропорции здания, основанные на соглашениях ("consentement"), определяемой традициями или обычаями. Следовательно, основанием прекрасного является не человеческое тело, а сила традиции.

На все уменьшающуюся значимость формальной аналогии между зданием и телом указывает также нарастающий в XVIII веке интерес к сфере эмоциональных переживаний, которые стимулирует здание. Причиной этому является развитие теории характера в архитектурном дискурсе Нового времени. С другой стороны, отказ от буквального антропоморфизма был обусловлен переходом на метрическую систему в последней трети XVIII столетия.

В XIX-XX веке антропоморфизм занимает маргинальное положение: он практически не фигурирует в дискурсе теории архитектуры. Тем не менее, он не исчезает окончательно: так, например, в XX веке он объединяется с «телом-машиной» и «нормативным телом», превращаясь тем самым в универсальный стандарт. Попытку выстроить собственную антропометрическую систему пропорций в 1940-е годы предпринимает Ле Корбюзье: в его шкале «Модульор» стандартизированные пропорции тела человека объединяются с принципом Золотого сечения. Однако данная система была чрезвычайно неудобна в эксплуатации, и потому не была востребована в дальнейшем.

В 1980-е годы появляется новая концепция антропоморфизма, получившая название «метонимического подражания телу». Её автором является теоретик архитектуры М. Фраскари – автор ряда работ о венецианских архитекторах второй половины XX века. Архитектурная «Метонимия» является типом телесной проекции, предполагающий демонстрацию в самом сооружении возможных способов взаимодействия с ним, навеянных жестами, позами и движениями тела. Теоретик усматривает такой вид телесной проекции в работах венецианских архитекторов К. Скарпа и В. Пастора.

В Главе 2 («Телесность как проекция ощущений: феноменология архитектуры») речь идёт о телесности как о проецировании на здание психофизических состояний – идея, чье появление было подготовлено категорией возвышенного, понимающей психологией и теорией вчувствования. Ключевые идеи этих направлений вошли в теорию архитектуры с конца XIX века: они предложили новый взгляд на восприятие архитектуры, рассматривая данный процесс как сопереживание действующим внутри предмета процессам и силам. Они предполагают, что пониманию значения архитектуры способствуют не оперирование абстрактными категориями, а непосредственное восприятие, в процессе которого человек проецирует свои ощущения на здание.

Данная идея стала стержневой для феноменологии архитектуры – направления в теории архитектуры второй половины XX столетия, ядро проблематики которой составляют отношения между человеком, сооружением и обуславливающим их контекстом, тогда как вопросы стиля и функциональных критериев зданий отходят на второй план. Теоретики данного направления считают, что архитектура должна быть ориентирована на воспринимающего субъекта, вызывать у него эмоциональный отклик и формировать комфортную для него среду, согласующуюся с особенностями местности. По этой причине феноменология архитектуры имеет дело с чувственными переживаниями образа архитектуры и утверждает необходимость непосредственного контакта человека с сооружением.

Мировоззрение представителей феноменологического движения сложилось под влиянием целого комплекса философских и психологических теорий. Рассмотренные в настоящей главе авторы – такие, как С. Холл, Ю. Палласмаа, А. Перес-Гомес, К. Норберг-Шульц, Ж. Лабату и многие другие – акцентируют внимание на теле субъекта и аккумулируемом в нем перцептивном опыте. Им важно не только визуальное восприятие, но и тактильные ощущения при взаимодействии со зданиями.

С точки зрения феноменологии телесность, воплощенная в конкретных постройках, может быть трактована как объективированное физическое чувство, спроецированное архитектором на здание и считываемое реципиентом при непосредственном контакте с сооружением. Однако, реальное значение такой коннотации состоит не в постулировании этого факта теоретиками и архитекторами данного направления, поскольку схожие идеи задолго до его появления были отражены в теории вчувствования, психологии восприятия и гештальт-теории. Принципиальной новизной феноменологии относительно других направлений в архитектурной теории второй половины XX века является то, каким статусом она наделяет переживания реципиента: приверженцы данного направления

считают личный опыт воспринимающего полноценным источником, отталкиваясь от которого можно интерпретировать образ архитектуры и выявлять его значение.

Дотеоретический перцептивный опыт, получаемый при непосредственном контакте с сооружением, является подлинной формой его восприятия. Он наделяет интерпретатора большей свободой, поскольку не ограничен рамками и конвенциями формально-стилистического метода. Кроме того, он позволяет воспринимать здание как цельный образ (или «тотальность»), а не как скомпонованные вместе разрозненные элементы.

Кроме того, данная установка позволяет увидеть то, как сооружение соотносится с особенностями среды, а именно – коррелирует ли его масштаб с прилегающими к нему постройками, вторит (или противоречит) ли его конфигурация окружающему ландшафту и т.д.

В Главе 3 («Постструктуралистские концепции телесности в теории архитектуры последней четверти XX -- начала XXI века») речь идет о концепциях телесности, проникших в теорию архитектуры в последнюю четверть XX столетия - «теле без органов», фрагментированном и монструозном теле, а также концепции иммунитета.

Эти термины используются в разных контекстах: «телом без органов» теоретики пытаются объяснить воздействие на архитектуру нематериальных сил и процессов, фрагментация и распад выступает как тактика деконструкции архитектурной формы и устаревшей системы взглядов, а иммунитет – как метафора адаптивности и податливости современной архитектуры.

Метафора «фрагментированного тела» используется архитекторами-неоавангардистами (главным образом Б. Чуми и бюро Соор Himmelblau) как тактика радикального разрыва с «гуманистическими» модусами телесной проекции. По этой причине одновременно с фрагментированным телом архитекторы-деконструктивисты не ограничиваются исключительно антропоморфными образами тела, но также обращаются к нечеловеческой (т.е. монструозной и животной) телесности.

Спроецированное на архитектуру фрагментированное тело связано с понятием «жуткого», введенного З. Фрейдом в одноименном эссе. Распадающееся на части тело здания не вызывает у реципиента ощущение уюта, безопасности и комфорта. Такая архитектура не стремится стать укромным убежищем, призванным удовлетворять нужды своих пользователей. Наоборот, этот аспект трактуется архитекторами и теоретиками как признак автономизации архитектуры, а именно – освобождения её от миссии служить обществу.

Теоретики архитектуры в 1990-е годы используют конструкт «тела без органов» в разных контекстах: И. де Сола Моралес объясняет ей общие моменты в программе разных

сооружений, А. Графланд использует его в качестве инструмента анализа конкретного сооружения, а Линн – для обоснования собственной творческой стратегии. В то же время обращение к данному теоретическому конструкту во всех трех случаях объединено общей целью – указать на встроенность архитектуры в сложную сеть экономических и социокультурных отношений.

Концепция иммунитета предполагает принципиально новое понимание телесности в архитектуре. Атрибуты иммунитета как свойства телесности не считаются во внешнем облике здания. Иммунитет является теоретическим конструктом, посредством которого можно объяснить некие свойства, позволяющие архитектуре адаптироваться сообразно изменяющимся условиям.

Перечисленные выше атрибуты телесности являются следствием мировоззренческого перелома, произошедшего в результате открытия генома ДНК, обнаружения возбудителя синдрома первичного иммунодефицита, а также знакомства с трудами Ж. Делеза и Ф. Гваттари.

Глава 4 («Проблема женской телесности в теории архитектуры второй половины XX века») посвящена проблеме телесности в дискурсе феминистской теории архитектуры. Данная тема раскрывается на материале критических статей Д. Агрест, Д. Блумер, Б. Коломины и Д. Фауш. В данном разделе риторика перечисленных выше авторов сопоставляется с «женским письмом», гендерной теорией, феминистской критикой феноменологии и феминистским психоанализом. На основании этого предпринимается попытка выявить, какое значение для данной группы теоретиков имеет женская телесность и в каком контексте она используется.

Проблема женской телесности рассматривается теоретиками архитектуры конца XX века в постструктуралистском и феноменологическом ключе. Наиболее отчетливо данная тема артикулируется в статьях Д. Блумер, Д. Агрест и Э. Гросс которые обрушиваются с критикой на доминирующую в архитектурном мышлении парадигму пространства. В частности, Д. Агрест указывает на узурпирование мужчинами-архитекторами элементов женской телесности, тем самым подчеркивая ее репрессированный статус. Эти исследовательницы не только констатируют вытеснение женщин и женского из архитектурного дискурса; они предлагают альтернативные стратегии, подрывающие основанную на мужском антропоморфизме логоцентристскую систему архитектурного мышления. Э. Гросс указывает на необходимость тотального переосмысления его базовых категорий (места и пространства), Д. Агрест предлагает женщинам занять «внешнюю» позицию по отношению к системе архитектурного знания, а Д. Блумер создает инсталляцию, составленную из атрибутов женской телесности.

Риторика феминисток постструктуралистского толка следует логике «женского письма». На это указывает не только весьма необычный для теории архитектуры стиль подачи материала (как это было в случае с текстами Д. Блумер), но и педалирование темы «немоты» женского голоса в «фаллоцентричном» архитектурном дискурсе. В этом дискурсе отсутствует «голос» женщин и никак не представлен их собственный взгляд на телесность. Феминистки считают, что женская телесность в теории архитектуры превращается в абстракцию, которая либо используется как метафора творчества, либо как концепция пространства («хора»). Критикуя современную им теорию, некоторые феминистки идут гораздо дальше простого противопоставления себя ей. Так, например, Д. Блумер и вовсе постулирует несовместимость женской телесности с архитектурой.

Д. Фауш, в отличие от «постструктуралисток», не наделяет телесность гендерной спецификой. В своем понимании телесности как антиподу «гегемонии зрения» она сближается с С. Холлом и Ю. Палласмаа. Как и «практическая феноменология» С. Холла, её «феминистская архитектура» возвращает ценность конкретного, чувственного телесного опыта в восприятии архитектуры. Перцептивный опыт, получаемый субъектом через тело, позволяет семантическому измерению более полно раскрыться в здании. Таким образом, «феминистская архитектура» в понимании Д. Фауш считает тело «инструментом восприятия значения произведений».

В **Заключении** излагаются выводы проведенного исследования, а также приводится обоснование выносимых на защиту положений.

Проведенный анализ позволяет определить телесность как теоретический конструкт, обозначающий проецирование на архитектуру различных свойств, качеств и состояний тела в широком смысле слова. Он не является имманентным (т.е. внутренне присущим) архитектуре, а накладывается на нее извне: это означает, что телесность фигурирует только в дискурсе теории архитектуры.

Телесность в архитектуре может иметь биологическую, философскую и психологическую коннотации. В первом случае она олицетворяет воплощение в архитектуре процессов, связанных с жизнью тела и работой его внутренних органов. Философская трактовка телесности отсылает к процессуальным атрибутам тела – силам, потокам, рождению новой жизни. Философская интерпретация телесности может быть противопоставлена её биологической и психологической коннотациям, поскольку оперирует более общими абстрактными концептами этих процессов (как, например, хора, тело без органов). Психологическая трактовка отсылает к вопросам восприятия зданий и способности вызывать определённые эмоции. В некоторых случаях она сближается с

философской, особенно если речь идёт о возвышенном и жутком, а также о феноменологии архитектуры.

Телесность может быть также трактована как воплощение в архитектуре процессов, происходящих в организме человека. Все эти данные, регистрируемые при помощи медицинских приборов, нашли отклик в различных формах архитектурной репрезентации – набросках, коллажах, клаузуре, рендерах, макетах – а также в облике, структуре и пространстве самих сооружений. Некоторые теоретики архитектуры пытаются также проблематизировать невидимые свойства человеческой телесности – работу иммунной системы, циркуляции энергетических импульсов и базовых жизненных процессов на микроуровне.

Подъём интереса к теме телесности приходится на середину XX века: он связан с пересмотром эстетической доктрины модернизма и формированием новой – постмодернистской – парадигмы архитектурного мышления. Одним из первых направлений в постмодернистской теории архитектуры, использующих телесность в качестве базового понятия, становится феноменология архитектуры. Телесность используется представителями данного направления как один из инструментов критики модернизма: она выступает в качестве антитезы «окуляроцентризму» и проявляет себя как ориентированность на мультисенсорный кинестетический опыт воспринимающего субъекта. Авторы, относящиеся к феноменологии архитектуры, рассматривают «телесное» как конкретное, материальное, раскрывающееся в непосредственном контакте с сооружением. Трактованная в феноменологическом ключе телесность увязывается с дотеоретическим невербализуемым переживанием архитектуры и противопоставляется семиотической концепции архитектуры как некоего языка, имеющего в своей основе систему знаков. Апелляция к непосредственному опыту происходит по той причине, что само тело рассматривается как носитель значения, а потому заложенные в здание смыслы могут быть раскрыты только через него. Это обстоятельство позволяет трактовать телесность в архитектуре в другом ракурсе – как способность архитектуры провоцировать у человека различные эмоции и ощущения. Кроме того, приверженцы феноменологии считают личный опыт воспринимающего субъекта является полноценным источником, отталкиваясь от которого можно интерпретировать архитектурный образ и выявлять его значение. Второй «расцвет» теоретизирования о телесности приходится на конец 1980-х – начало 1990-х годов. Именно тогда публикуется статья М. Фраскари, поднимающая вопрос о «метонимическом» модусе телесной проекции. В этот же период попадает и статья Э. Видлера, которая проблематизирует сюжет о фрагментированном теле и воплощении в архитектуре деконструктивизма категории «жуткого», которая увязывается И.А.

Добрицыной с интересом архитекторов к категории возвышенного. В середине 1990-х публикуются тексты представителей феноменологии архитектуры, такие как «Глаза кожи» Ю. Палласмаа и ряд эссе С. Холла. Тогда же выходят статьи Д. Блумер, Э. Гросс и Д. Фауш, с разных сторон освещающие проблему женской телесности. В 1997 году главный редактор журнала ANY С. Дэвидсон организует масштабный симпозиум «Anybody» в Буэнос-Айресе, на котором вопросы тела и телесности обсуждаются в свете современных проблем архитектуры и градостроительства.

Во всех своих формах конструкт телесности используется при артикуляции архитекторов тех тем и проблем, которые касаются сфер отношений архитектуры и её пользователей. Так, «близость» и «тактильность» используются К. Фремптоном в контексте критики заточенной на визуальное восприятие функционалистской архитектуры, а разрывающаяся цепочка ДНК в проекте исследовательского центра П. Айзенмана – как природный эквивалент процесса деконструкции. Д. Агрест и Э. Гросс размышляют о маргинальном статусе женского тела в западном архитектурном дискурсе. В частности, Д. Агрест утверждает, что атрибуты женской телесности были несправедливо апроприированы мужчинами-архитекторами в Ренессансных архитектурных трактатах, а Д. Блумер указывает на то, что элементы женской телесности имели более низкий статус, нежели мужские. Следуя логике «женского письма», Д. Агрест и Д. Блумер выдвигают тезис о несовместимости женского начала и архитектуры, а также постулируют повсеместное вытеснение женской телесности из дискурса архитектурной теории, которое проявляется либо в отчуждении атрибутов женской телесности (и использовании их как метафор творческого процесса), либо в выхолащивании их в абстрактную модель архитектурного пространства, как это произошло с концепцией «хоры».

Э. Видлер апеллирует к связанному с категорией жуткого фрагментированному телу, и с опорой на него объясняет нарастающее влияние категории возвышенного. Соответственно, метафора «фрагментированное тело» отсылает не столько к дроблению на части цельного «тела» здания, сколько к способности неоавангардной архитектуры подавлять своего зрителя и вызывать у него ужас и тревогу. Такая трактовка телесности является диаметрально противоположна тактике феноменологии архитектуры С. Холла и Ю. Палласмаа, для которых телесность является свойством «человечной» архитектуры, вызывающей у ее реципиента позитивный эмоциональный отклик. Заимствованный из работ Ж. Делеза и Ф. Гваттари концепт «тела без органов» используется как правило для объяснения невидимых процессов. Р. Колхас, с точки зрения А. Графланда, мог апеллировать к нему для объяснения механизма функционирования программы клуба «Даунтаун-Атлетик», И. Де Сола Моралес обосновывает данным понятием воздействие на

сооружение невидимых нечеловеческих агентов, а Г. Линн считает таковыми подвижные формы проектируемых посредством САПР зданий.

И хотя многие из описанных выше концепций заимствованы из философии, психоанализа или медицины, они, ввиду специфики анализируемого при помощи них материала, не являются их полной калькой. Мы полагаем, что этому плюрализму концепций телесности потворствует и сам характер архитектурного дискурса. Как уже было отмечено ранее, хронологические границы исследования укладываются в рамки постмодернизма – парадигмы, сформировавшейся к середине 1960-х годов на волне критики модернизма и объединившей под своей эгидой множество направлений и течений. В постмодернизме невозможно выделить главную идею, направление или стиль. Направления, формирующие его поле, разительно отличаются друг от друга не только внешне, но и концептуально. Если в основе эстетики «архитектуры современного движения» лежал единый «язык» форм, основанный на геометрии, то в постмодернизме параллельно друг другу сосуществовала масса непохожих друг на друга «языков», а те, в свою очередь, ориентировались на самые разные теории. Отсюда же они черпали и представления о телесности. Мы полагаем, что независимо от того, какое значение имела та или иная концепция телесности, оно всегда используется для того, чтобы подчеркнуть специфику данного вида искусства – непосредственную вовлеченность архитектуры в жизнь человека, общества, и протекающих в нём процессов. Различные концепции телесности используются там, где речь идёт об отношениях здания и человека. Мы полагаем, что конструкт телесности становится свидетельством неразрывной связи теории и практики: именно поэтому она фигурирует там, где речь идёт о воздействии свойств материалов и организации пространства на человека. Иными словами, обращение к различным концепциям телесности подчёркивает «человекоориентированность» архитектурной практики даже тогда, когда сами архитекторы или теоретики (в частности деконструктивисты) стараются заявить обратное.

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Научные статьи, опубликованные в журналах Scopus, WoS, RSCI, а также в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности:

1. Петрушихина С. В. Понятие телесность в рецепции представителей феноменологии архитектуры // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 12 / Под ред. А. В. Захаровой, С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2022. С. 674–685. (0,98 п.л., импакт фактор SJR: 0.189).

2. Петрушихина С. В. Концепция «тела без органов» в теории архитектуры конца XX века // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 13 / Под ред. А. В. Захаровой, С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой. – МГУ имени М. В. Ломоносова / СПб.: НП-Принт, 2023. С. 723–733 (0,97 п.л., импакт фактор SJR: 0.189).
3. Петрушихина С. В. Проблема женской телесности в теории архитектуры конца XX века // Артикульт. 2021. № 2(42). – С. 91-96. (0,63 п.л., импакт фактор РИНЦ: 0,552).
4. Петрушихина С. В. К вопросу о телесном опыте в теории архитектуры Бернара Чуми // Философия и культура. 2021. № 12. – С. 25–32 (0,56 п.л., импакт фактор РИНЦ: 0,329).
5. Петрушихина С.В. Концепция «фрагментированного тела» в теории архитектуры конца XX века // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. 2022 - №1 – С.68-79 (0,68 п.л., импакт фактор РИНЦ: 0,119).